

АЛЕКС ЛИНИ
ДЕВЯТЬ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л59

Редактор серии *Екатерина Тёрина*

Консультант *Юлия Селиванова*

Дизайн обложки *Янины Клыга*

Лини, Алекс.

Л59 Девять : роман / Алекс Лини. — Москва : Эксмо, 2025. — 448 с.

ISBN 978-5-04-206411-1

Серийные убийцы. Какие они?

Профайлер Тиффани Роуз думала, что отлично понимает их и что новое дело не доставит ей хлопот, но всё пошло не по сценарию.

Южная Корея, Сеул. Найдена 43-я жертва серийного маньяка по кличке Хирург. Из тел жертв полностью выпущена кровь, но место преступления абсолютно чистое, словно операционная. Ни одной улики, ни единого отпечатка. Лишь вещь предыдущей жертвы.

Тиффани предстоит поймать «призрака», скрывающегося от полиции уже много лет. Но сможет ли она? Ведь, приближаясь к Хирургу, она ощущает, как в ней просыпается то, что было похоронено много лет назад. То, что она так старалась скрыть от всего мира...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лини А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-206411-1

ГЛАВА 1

ИНЪЕКЦИЯ

■

Я не мог сомкнуть глаз всю ночь. Сегодня мой последний день. Через крошечное окно просачивались лучи утреннего солнца, освещая одиночную тюремную камеру с унылыми и блеклыми зелёными стенами. Кто-то до меня здесь занимался росписью стен, чертя вертикальные палочки и зачёркивая их по пять штук. Не знаю, кто был в этой камере до меня, но отсидел он тут тридцать семь дней. Интересно, что он тут делал? Ведь карцер абсолютно пуст. Может, ему приносили книги?

В коридоре слышались шаги нескольких человек, а затем и звук открывающейся двери. Железное плотно со скрипом распахнулось, и передо мной предстал надзиратель Донхо. Он сегодня в приподнятом настроении. Неужели из-за меня? Он даже не кричал и наручники надел аккуратно, а не как обычно резко, чтобы сделать побольнее. Ну что ж, я даже рад, что последняя прогулка в моей жизни пройдёт спокойно. Хотя далеко не с Донхо и двумя только что отучившимися надзирателями мне хотелось бы провести эти минуты.

Длинные коридоры с обшарпанной серой краской на стенах максимально вгоняли в уныние. Неужели нельзя было сделать что-то повеселее? Разве тюрьмы плохо инвестируют? Лично я бы не поленился оказать материальную помощь, подкинув пару-тройку десятков миллионов вон.

И вот мы вошли в блок с заключёнными. Все эти придурки скандировали моё имя и аплодировали, сидя в клетках справа. «Хи-ирург, хи-ирург». А ведь некоторые преступники и убивают ради того, чтобы получить признание от других себе подобных. Но мне не было до них дела. Только воздух сотрясают. Молодые надзиратели, чтобы утихомирить этих животных, принялись стучать дубинками по решёткам. Наконец зоопарк закончился и мы вышли на лестничную площадку.

Почему я здесь и почему же так популярен? Убил человека, и далеко не одного. Прокуратура приписывает мне сорок семь убийств. Нет, я не террорист какой-то и не безумец с пулемётом. Я всего лишь Хирург. И нет, я кромсал людей не в больнице. Я выбрал другое, антисанитарное место — улицы Сеула. Про мои убийства не говорил только немой, да и у них есть свой язык жестов. На протяжении двух лет я не сходил с первых полос газет, даже в поисковых запросах всегда входил в топ-три. А после того, как по мою душу прислали агентов из США, люди, казалось, вообще сошли с ума и говорили только об этом.

В общем, с таким послужным списком меня и решили казнить. Чего я не ожидал, так именно этого. Ведь смертную казнь так давно не применяли в нашей стране: за прошедшие двадцать лет лишь один раз, и

то за военный трибунал, когда у парнишки не выдержали нервы и он расстрелял свой отряд. Что ж, всякое бывает в жизни.

О, в этом блоке тюрьмы я ещё не был. Значит, здесь они держат эту комнатку смерти? Интересно, увижу ли я белый свет в конце туннеля, о котором так много говорят и пишут? Почувствую ли лёгкость и свободу? Стоит ли мне покаяться перед Богом сейчас? Есть ли в этом хоть какой-то смысл?

Разве нельзя посчитать покаянием то, что я сдался полиции сам, сознался во всём? Если бы я этого не сделал, то кто знает, сколько бы ещё было открытым моё дело? Может, попало бы в висяки. Такое часто бывает, ведь в нашей стране такого рода преступления — это редкость. Полицейские просто не знают, как ловить серийных убийц. У ФБР с этим дела обстоят лучше, но даже они не подобрались ко мне близко. Лишь она смогла...

И вот мы наконец дошли. Передо мной были две двери, ведущие в абсолютно разные миры: один был камерой смерти с креслом посередине, а второй — зрительным залом для «приятного» просмотра.

Меня завели в левую дверь, где меня уже ждали два медицинских работника с очень умными лицами, будто бы докторскую диссертацию защищать собрались. Донхо спокойно усадил меня на массивный серый стул, отстегнул наручники, отчего я почувствовал огромное облегчение. Запястья то и дело ныли от тюремных браслетов, оставляющих чёткие вдавленные красные полосы. Но не прошло и минуты, как мне обломали весь кайф: грубо пристегнули руки и ноги ремнями, закрепив на самом последнем делении.

Я сразу почувствовал, как кровь начала отливать от конечностей, стало холодно. К чему это? Бойтесь, что я вырвусь и на медперсонале покажу мастер-класс по убийству людей?

Чтобы абстрагироваться, я начал рассматривать комнату. Почти ничем не отличается от тех, что показывают в фильмах: огромное зеркало-обманка во всю стену красовалось напротив меня, а за ним сидит кучка важных людей, возомнивших себя спасителями общества. Знаю я, как эти «шишки» заработали себе имя, с некоторыми приходилось иметь дело. Посади кого-то из них вместо меня, мир бы также лишился чудовища.

Интересно, собрался ли там кто-то, кроме политиков, полицейских и американцев? Хотя комната там не такая уж большая, чтобы вместить их всех. Но мэр Сеула присутствует точно, ему ведь нужно отчитаться. Толпы журналистов наверняка собрались за стенами тюрьмы. Выйдет весь такой накрахмаленный в софитный от вспышек камер свет и заявит народу, что теперь все могут спать сном младенца.

Ай, ну вот зачем так безбожно пытаться найти мою вену? Уже третий прокол и всё мимо, специалисты, мать его. Может, тебе помочь? Как ты вообще анатомию в своём училище учил, а? Поскорее бы всё это закончилось.

О, здравствуйте, зовут другого медика, кругом одни недотёпы. В тюрьмы чаще всего отправляют на практику зелёных стажёров, которые не смогли проявить себя во время учёбы. Повезло же мне...

Открылась дверь, и в комнату вошёл ещё один папач в белом халате. Из-за своих огромных размеров

он передвигался так медленно, что неудивительно, почему мы его так долго ждали.

На мгновение я увидел человека, который входил в соседнюю комнату.

Стоп, это она? Тиффани жива? Она будет смотреть на меня сквозь это стекло? Не может быть! Мне же сказали, что она мертва. Может, меня уже посещают предсмертные галлюцинации?

В это время угрюмому толстому палачу удалось с первой попытки вставить катетер в мою истыканную левую руку. Я взглянул на большие стрелочные часы, что висели над входной дверью. До начала казни оставалось девять минут.

В моём распоряжении было одно последнее желание. Честно говоря, это очень смешно и жалко. Прямо акт доброй воли. Так я думал до того момента, пока не увидел её силуэт. Я уверен, что это Тиффани.

— У меня же есть право на последнее желание до смерти? — спросил я, прожигая взглядом это зеркало.

— Я тебе, что ли, фея-крёстная с волшебной палочкой? — вякнул толстяк.

— Хочу поговорить с агентом ФБР Тиффани Роуз.

— Чего? — удивился палач, сдвинув брови к переносице.

— Тиффани, ты же здесь? Я знаю, что ты тут, — пристально глядя в зазеркалье, произнёс я.

Казалось, что секундные стрелки тикают со скоростью света в этот момент, когда время дороже всего на свете. Одна, две, три, четыре, пять... Я знаю, что ей надо время... Шесть, семь, восемь, девять...

Входная дверь медленно открылась, и вошла Она. Такой бледной я никогда ещё её не видел, да и не уви-

дел бы более. Но это была Тиффани. В белом платье она выглядела словно ангел. Хотя этот наряд точно выбирала не она. Держась за правый бок и слегка прихрамывая, она прошла половину комнаты. Её взгляд, полный сожаления и страха, я никогда не забуду.

— Выглядишь вполне себе живой. А на меня пытались твоё убийство повесить, — внимательно осматривая её, я прервал оглушающую тишину.

— Надо было стараться лучше, а не убегать при первом шорохе, — Тиффани встала возле моего кресла.

Все слова надо подбирать с умом. Свидетелей слишком много.

— Если бы я мог вернуться в прошлое, то точно довёл бы дело до конца. И не только это. — Она должна понять, что я имею в виду. Никто из присутствующих не знал, кто мы друг для друга и что нас связывало.

— Не все мечты осуществимы — как и наш план.

Я снова посмотрел на настенные часы. Секундная стрелка бежала так, будто бы пыталась опередить Усэйна Болта на Олимпийских играх.

— У меня к тебе будет просьба, Тиффани. — Наши взгляды встретились. — Держи мою руку, пока я буду умирать. Позволю тебе на правах единственной выжившей жертвы. Тебе ведь важно довести это дело до конца?

Уставившись в потолок, Тиффани немного подумала, потом накрыла своей ладонью мою правую руку. Мурашки пробежали по телу.

Ради неё я пошёл на многое. Собственно, это и привело меня сюда. А ещё гордыня и вера. Мне казалось, что мы продумали всё, но ключевое слово — «казалось». Перехитрить абсолютно всех невозможно, как

бы этого ни хотелось. Но мы были слишком увлечены друг другом и возможным совместным будущим. Ведь так ведут себя влюблённые?!

Сквозь белую ткань платья Тиффани начала просачиваться кровь. Всего лишь маленькое пятнышко, но оно всем своим видом будто кричало: «Создатель, я всё ещё могу сделать так, чтобы вы были вместе всегда».

9:00 — Вводите инъекцию, — влилась в комнату фраза из колонки радиовещателя.

Тиффани сжала мою руку, впившись ногтями в пальцы. Палачи в белых халатах беспрекословно, словно машины, окружили нас: один встал по левую сторону от меня у первой капельницы с обезболивающим. Да, да, именно с ним. Понимаете ли, гуманность, все дела.

Рядом с ним стоял второй недотёпа и чуть ли не носом уткнулся в свои наручные часы, дабы зафиксировать время моей смерти. Третий же, самый важный, встал у капельницы с моей жидкой смертью.

Одновременно двое открыли клапаны на капельницах, и оба раствора начали медленно стекать по трубке.

Раз, два, три...

На этот раз секунды тянулись очень медленно. Странная штука — время. Но мне это было только на руку. Я хотел любоваться Тиффани все оставшиеся минуты, которые были мне отведены.

В глазах Тиффани читалась моя смерть: она внимательно следила за тем, как по тонким трубкам спускались растворы. Когда инъекция подступила уже очень близко к моей руке, она резко подняла свой взгляд. На глазах её блестели слёзы. В этот момент мне захоте-

АЛЕКС ЛИНИ

лось её обнять, но, увы, единственное, что мне оставалось, это крепко держать её за руку.

Четыре, пять...

Я почувствовал неприятные ощущения в правой руке — инъекция начала проникать в кровь. Она медленно поднималась по руке вверх, потом я почувствовал её в области груди. Тут же она ударила мне в голову так, что всё вокруг стало мутным и расплывчатым. А потом смертоносная жидкость добралась до моего сердца.

Шесть, семь...

Сердце очень бешено забилося и начало в разы быстрее качать кровь, мгновенно разнося убивающий меня раствор по всем клеткам тела.

Восемь...

Начались жуткие боли и конвульсивные припадки. Так и должно быть? Похоже, ваша анестезия вообще не работает. Все нервные окончания были возбуждены, и моё тело шатало во все стороны. Оно совершенно перестало меня слушаться, но я из последних сил старался держать руку Тиф как можно крепче. Надеюсь, я не сломал её ей.

Девять...

Мою смерть констатировали: умер девятого декабря в двенадцать часов три минуты.

ГЛАВА 2

Хэ Джэ

Наверняка у вас много вопросов. Итак, начнём с начала.

Меня зовут Ким Мин Джун. На этом имени настоял мой отец, оно означает «умный». Говорят, что имена наделяют нас какими-то чертами характера. Не знаю, так ли это, но с самого раннего детства я был очень смышлённым и любопытным ребёнком.

К пяти годам я уже умел не только писать, читать и считать, но также мог говорить на китайском и английском языках. Моя семья была очень состоятельная: папа владел сетью медицинских клиник, а мама была первоклассным адвокатом. Собственно, они познакомились в суде, когда мама была защитником одной клиентки, что требовала вернуть деньги и посадить отца за решётку за результат операции, её не удовлетворивший. Папе понравилась мамина мёртвая хватка и то, с каким рвением она защищала свою клиентку. Тот суд выиграла клиника отца, но зато, как любила говорить мама, она выиграла джекпот в виде папы.

Я читал газетные вырезки, в которых обсуждался их бурный роман. Многие говорили, что мама нарочно проиграла дело, так как была на стороне фирмы, и что

весь суд был лишь фикцией и пустой тратой времени и денег. Но это их не волновало, они продолжали добиваться высот, несмотря ни на что. Поженились они после всего лишь полугода знакомства, а через четыре года родился я.

Мне было уготовлено место под солнцем уже с самого рождения. Но не думайте, что всё доставалось слишком легко: отцу необходимо было вырастить преемника, который бы с таким же блистательным успехом продолжил его дело и приумножил нажитое. Поэтому весь мой день был расписан практически поминутно: занятие с учителем по корейскому языку, потом с учителем математики, биологии, далее был урок по одному из иностранных языков, и обязательной частью ежедневной программы были физические нагрузки — плавание, уроки с тренером по тхэквондо или фехтованию.

В редкие минуты свободы я ускользал на задний двор, где у нас был огромный сад. В жару я всегда ложился в холодную траву и грелся в лучах солнца. Зимой барахтался в сугробах, лепил снеговиков, делал снежных ангелов. Дождливая погода меня также не останавливала. Я надевал свои жёлтые резиновые сапоги и красный плащ и выбегал на улицу, радостно и очень лихо прыгая по огромным лужам. Всегда получал за это от своей няни. Каждый раз она отчитывала меня и говорила, что обеспокоена тем, что я могу заболеть из-за ледяной воды или сильных порывов ветра, которые так и норовили сорвать с меня капюшон.

Моему детству, наверное, могли бы позавидовать многие. Вау, это же так здорово. Родители обеспечили меня всем, о чём только можно мечтать. Но правда в

том, что я мало виделся со своими родителями, ведь они вечно были погружены в работу. Наши встречи были очень короткими, но зато безумно тёплыми и запоминающимися.

По утрам я виделся с мамой, которая вдохновляла меня на предстоящий день, просила вести себя хорошо, при этом крепко-крепко обнимала и нежно целовала меня в лоб на прощанье, после чего спешно выходила из дома на совещание или на слушание дела в суде, оставляя лишь шлейф своих духов.

А папа почти каждый вечер успевал приехать с работы до того момента, как я усну, чтобы поговорить со мной о прошедшем дне и почитать сказку. Я всегда старался подольше не засыпать, чтобы больше времени провести с отцом. Мне нравилось слушать его бархатный голос, пока он читал мне, наблюдать, как блестят в тёплом свете ночника его глаза.

Также по воскресеньям мы совместно посещали церковь для утренней молитвы, после чего разъезжались на разных машинах кто куда.

Мама ушла из нашей семьи, когда мне было пять лет. Причину папа так и не назвал, а я не мог поверить, что такое вообще могло произойти. Просто представьте, сегодня мама говорит, что ты самый лучший ребёнок на свете, а на следующий день пропадает без единого повода. В тот год мы переехали в другой дом. Папа говорил, что в старом больше не может находиться, он слишком напоминает ему о матери.

Время шло, всё потихоньку налаживалось. У меня появилась «новая мама». Папа с ней расцвёл и вернулся к жизни. Мне же не было до этого дела. Называть её мамой я так и не стал.